

Детерриториализованный романтизм: литература и искусство в незавершенном становлении

Научный руководитель – Шиповалова Лада Владимировна

Шкляр Евгений Леонидович

Студент (магистр)

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: stoic.1@bk.ru

В этом выступлении предлагается двойная перспектива на отношения между философией Делёза и романтизмом, исследуя детерриториализацию и ретерриториализацию природы и культуры. Романтизм сталкивается с разделением человечества и природы, его пленом в городах и утратой связи с истоками, предлагая ответ на кризис механической рациональности эпохи Просвещения.

Романтизм стремится преодолеть рационалистическую механизацию, подчеркивая важность эмоций и сенсорного восприятия. Это процесс становления, где чувство, как динамическая сущность, не может быть зафиксировано. Оно всегда в потоке, меняясь и трансформируя субъект. Эта идея чувства перекликается с понятием становления у Делёза. Таким образом, романтический субъект не является статичным — он всегда находится в процессе становления, в поиске своего подлинного состояния через опыт чувств и переживаний. Это можно рассматривать как своеобразное предвосхищение постструктуралистского понимания субъективности как множества разрозненных и пересекающихся состояний, а не единого, целостного «я».

Для рассмотрения этих идей автор опирается на концепцию "дизъюнкции" из работы Делёза и Гваттари Капитализм и шизофрения. В первой части исследуется, как природа и культура в романтизме не просто противоположны, а переплетаются в сложные, взаимозависимые структуры. Природа подвергается механизации, но в этом процессе сохраняются скрытые пространства, где человек, по-прежнему, может найти момент непосредственной связи с природой, открывая возможности для нового начала. Это переплетение, едва уловимое, проявляется, например, в живописи Каспара Давида Фридриха, чьи работы передают чувство уединения, в котором человек обнаруживает не только природу, но и свои собственные духовные поиски. В романтической поэзии, например, в произведениях Рейнхарда Августа фон Рёмера, природа предстает не как статичный фон, а как пространство, в котором субъект может обрести обновление. В русской литературе подобные мотивы выражены, к примеру, в поэме М. Ю. Лермонтова Мцыри, где природа становится не только местом поиска свободы, но и неизбежной частью внутреннего пути героя, что открывает перед ним не только пространство свободы, но и истины.

В русской романтической традиции дизъюнкция между природой и субъектом проявляется не как конечное разделение, а как сложный процесс взаимопроникновения, в котором природа и человек как бы пытаются найти общую точку, не становясь абсолютно чуждыми друг другу. У Пушкина, в Евгении Онегине, природа не противопоставляется человеку, но становится пространством его метаний: городской, просвещённый человек в попытке понять и принять природу сталкивается с её таинственной, недостижимой стороной. Однако попытка Онегина укрыться в уединении не приводит к окончательному примирению с миром, а наоборот, раскрывает его многозначность и многослойность. У Гоголя эта взаимосвязь обостряется до необычайных форм: в Вечерах на хуторе близ Диканьки и Страшной мести природа не только становится пространством свободы, но и превращается в источник невообразимой силы, которая не поддается человеческому контролю. Но

и здесь природа не является чем-то враждебным — она раскрывает бесконечные возможности, как для ужаса, так и для внутреннего преобразования, подчеркивая всю глубину взаимопроникновения человека и мира вокруг него.

Во второй части исследуется становление субъекта через работы Жильберта Симондона и Делёза, особенно "Различие и повторение" и "Капитализм и шизофрения". Это раскрывает романтического героя как фигуру становления, принимающую трансформацию - становление революционером, становление животным, становление другим. Герой романтизма не просто борется с внешними ограничениями, но стремится к внутреннему разрыву с собой, открываясь множественным возможностям бытия. Этот мотив обнаруживается у Эжена Делакура, в чьих картинах проявляется динамика движения и борьбы, а также у Н. В. Гоголя в "Шинели", где главный герой не только лишается своей социальной идентичности, но и обретает новое существование за пределами установленных норм. В "Портрете" и "Невском проспекте" Гоголь демонстрирует, как субъект оказывается втянут в чужеродные механизмы власти и символического порядка, теряя возможность собственного становления. Это можно рассматривать как специфическую версию "становления-другим", но при этом в русской литературе этот процесс часто носит деструктивный характер: романтический герой не просто меняется, но уничтожается или радикально отчуждается от мира.

Особенно интересен в этом контексте "Демон" Лермонтова, где романтический субъект проходит через становление, но его трансформация оказывается не освобождением, а проклятием. Демон не может слиться ни с человечеством, ни с природой, оставаясь фигурой непрерывного кризиса субъективности. Это яркий пример несовместимости становления в русской романтической традиции с финальным освобождением, которое предполагает западноевропейская романтическая философия. Если у Байрона бунтарь может обрести свободу, пусть даже ценой изгнания, то у Лермонтова свобода оказывается лишь новой формой отчуждения.

Автор считает, что этот анализ раскрывает романтизм как предшественника постструктурализма, особенно в его работе над дихотомией природа-культура и восстанием против "трансцендентального" субъекта в кантианской и посткантианской философии. Романтизм оказывается своего рода скрытым родоначальником многих идей XX века, включая концепцию становления, деконструкцию субъективности и поиски альтернативных способов бытия. Этот подход позволяет не только заново взглянуть на романтизм как философское явление, но и открыть его новые грани в контексте современных теоретических дискуссий. Включение русской романтической традиции в этот анализ позволяет увидеть, как различие между западным и восточноевропейским романтизмом формирует альтернативные модели субъективности: если западный романтизм предлагает путь освобождения через природу, то русский романтизм делает акцент на невозможности завершённого становления, что делает его ещё более созвучным философии Делёза.

Источники и литература

- 1) Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с. (Philosophy). — Перевод изд.: Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe / Gilles Deleuze, Felix Guattari.
- 2) Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. - Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. - 895, [1] с.: ил.
- 3) Ж. ДЕЛЕЗ. Различие и повторение. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.

Перевод с французского Н.Б. Маньковской (содержание с. 3-7 и вторая часть с. 215-382), Э.П. Юровской (первая часть с. 9-215).